

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Маги

Вера Крыжановская-Рочестер

Маги

«Public Domain»

1902

Крыжановская-Рочестер В. И.

Маги / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain»,
1902 — (Маги)

Что представляет собой мир, в котором мы живем? Кто есть мы и каков смысл бытия? Эти вопросы всегда волновали и будут волновать людей, потому что наши знания об окружающем нас мире и о нас самих ограничены. Это Тайна, которую мы, люди, пытаемся разгадать. Книги Веры Крыжановской являются тем волшебным зеркалом, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами, узнать некоторые фундаментальные законы бытия и ответить на многие вопросы. Во второй книге «Маги» автор приоткрывает перед нами первую завесу Тайны Бытия.

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1902

© Public Domain, 1902

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вера Ивановна Крыжановская

Маги

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».
(*Иоанн. VIII. 32*)

«Savoir, vouloir, pouvoir, oser, et se taire».
(*Основы посвящения*)

Глава первая

Есть такие места, которые природа создала в минуту печали. От них веет чем-то тоскливым, и это смутное, но невыразимо тягостное впечатление сообщается всем приближающимся. Подобное место находится на севере Шотландии. Берег здесь состоит из высоких скал, прорезанных глубокими бухтами. Волны бурно кипят среди рифов и зубчатых скал, которые грозным и опасным поясом окружили это негостеприимное для моряков место.

На вершине одной из самых высоких скал высился древний замок, суровый и мрачный вид которого вполне гармонировал с тоскливой и пустынной окружающей картиной.

По массивной и тяжелой архитектуре, по толщине почерневших стен, по узким и глубоким, как бойницы, окнам, замок можно было отнести к тринадцатому веку, но он так хорошо сохранился, что внушал подозрение, не прихоть ли это какого-нибудь богатого современного любителя средних веков.

И действительно, на двух толстых круглых башнях не обвалился ни один зубец. Стена ограды была совершенно цела, а широкий ров, со стороны равнины окружавший древний замок, был наполнен водой, защищен башенками и подъемным мостом с оборонительной решеткой. Но это впечатление современности сохранялось только до тех пор, пока на замок смотрели издали; при приближении же путник убеждался, что из-под массивных каменных глыб то там, то тут пробивались лишай и мох; и что только века могли придать черновато-серую окраску дикому и уединенному древнему замку, сросшемуся, словно в одно целое, со скалой, на которой он лепился, как орлиное гнездо.

Со стороны материка окрестности тоже представляли унылый и малопривлекательный вид. У подножия замка тянулась поросшая вереском и изрезанная глубокими выбоинами долина, и только вдали на возвышенности виднелись островерхая колокольня церкви и тонувшие в зелени домики деревни. С этой же стороны из-за стен замка видна была зелень вековых дубов и вязов.

Но если общий вид замка, казалось, переносил путника на несколько веков назад, то широкое и великолепное шоссе, прорезывавшее равнину, разрушало иллюзию и возвращало к современной действительности девятнадцатого века.

В сумрачный августовский день по этой прекрасно ухоженной и обсаженной деревьями дороге катились два экипажа. В первом – небольшой открытой коляске – сидели молодой человек и молодая женщина, в простом темно-синем костюме и шляпе такого же цвета. Этот темный цвет оттенял еще рельефнее ослепительную белизну кожи и редкий белокурый цвет ее волос который можно было бы принять за совершенно белый, если бы не легкий золотистый оттенок, придававший им особенную прелесть. Второй экипаж представлял большой и широкий фургон, снабженный впереди низеньким сиденьем, на котором помещались мужчина средних лет и пожилая, крайне молчаливая камеристка.

Читатель уже узнал, вероятно, в первых двух путниках Ральфа Моргана, или, иначе, принца Супрамата, и его жену Нару, которые ехали в свой шотландский замок, чтобы отдаться работе *посвящения*.

Везли они с собой пожилую горничную, слепо преданную Наре, и Тортоза, в верности, благоразумии и скромности которого можно было быть вполне уверенным. Молодые люди молчали и задумчиво смотрели то на грустный пейзаж, развертывавшийся перед их глазами, то на темный силуэт замка, черной массой вырисовывавшийся на сером фоне неба. Погода испортилась. С океана со свистом налетали порывы холодного ветра, горизонт заволокли черные тучи и рев бури становился все слышней и слышней.

– Кажется, старый замок намерен не очень-то любезно встретить нас ураганом, – с улыбкой заметил Супрамата.

– О! Мы давно уже будем дома, пока разыграется буря. С этой высоты вид бушующего моря представляет страшное и в то же время грандиозное зрелище, – ответила Нара.

– Нарайяна, кажется, любил это место. В его портфеле я нашел фотографический снимок этого замка, – продолжал Супрамата. – А между тем для ненасытного кутилы, чувствовавшего себя хорошо только в шуме и вихре света, это уединенное и пустынное, дышащее грустью место не должно бы иметь ничего привлекательного.

– Ты все забываешь, что Нарайяна был бессмертен! Именно беспорядочная жизнь и приводила его в тяжелое настроение духа, а в такие мрачные часы ничто так не гармонировало с бурями, бушевавшими в его душе, как окружавший его хаос разнузданных стихий. Он действительно любил это убежище в тяжелые минуты. Замок обязан ему своим специальным внутренним убранством и тем, что он так хорошо сохранился. Поэтому-то я и советовала тебе приехать сюда для изучения низшей магии. Ни одно место не приспособлено лучше для этого, так как Нарайяна был мастером в деле обстановки и устройства, шло ли дело о букете или о лаборатории, – со смехом закончила Нара.

Между тем коляска, запряженная кровными лошадьми, быстро пробежала путь, отделявший ее от замка, проехала подъемный мост, миновала темные сводчатые ворота и остановилась у небольшого подъезда, накрытого каменным навесом.

В большой и темной прихожей, очевидно некогда служившей оружейной залой, господ встретили управляющий – лысый старик с серебристой бородой, пожилая экономка и несколько слуг с морщинистыми и угрюмыми лицами.

– Нас встречает здесь целая коллекция древностей. Право, я начинаю думать, что Нарайяна собрал здесь этих людей из кокетства, – заметил Супрамата, поднимаясь по лестнице и с трудом сдерживая смех.

– Нарайяна не любил нескромных. Находя преданных людей, которые видели и слышали только то, что им можно видеть и слышать, а затем все забывали, он старался как можно дольше продлить их жизнь. Большая часть этих слуг уже достигли столетнего возраста, – с легкой улыбкой ответила Нара.

Несмотря на свой преклонный возраст, слуги замка все прекрасно приготовили для приема господ. Всюду в огромных украшенных гербами каминах пылал яркий огонь, так как под толстыми сводами замка воздух был сырой и холодный; в столовой был изящно накрыт стол. Что же касается обеда, то он делал честь повару и был превосходен как по составу, так и по сервировке.

Супрамата выразил свое удовольствие управляющему и по окончании обеда обошел замок.

Вся меблировка была древняя и отличалась простой и строгой роскошью. Стены покрывала резьба из почерневшего дуба или дорогие ковры. Резная мебель, стоявшая в комнатах принца, очевидно относилась к концу четырнадцатого века; мебель же в апартаментах Нары,

казалось, была современна королеве Елизавете. Единственное, что немного нарушало общий стиль этого средневекового жилища – это толстые восточные ковры, покрывавшие полы.

Из кабинета Супрамати дверь вела на окруженный каменной балюстрадой небольшой балкон, который подобно гнезду ласточки висел над бездной.

Он вышел и, дрожа от восхищения, смешанного со страхом, облокотился на балюстраду.

Под ним далеко внизу бушевала буря. Яркая молния прорезала черное небо и освещала бледным светом бешеные волны, которые, пенясь и вздуваясь, казалось, шли на приступ скалы и с грохотом разбивались о береговые утесы.

Ветер ревел и свистел, гремел гром, а Супрамати, стоя на балконе, точно парил над этим хаосом.

Он был всецело поглощен этим величественным и страшным зрелищем, когда маленькая ручка легла на его руку, а белокурая головка опустилась на плечо.

Супрамати молча обнял жену, и они задумчиво смотрели на мрачную, расстилавшуюся у их ног бездну. Вдруг неизвестно откуда появился широкий луч света, который прорезал мрак и осветил спокойным, ярким светом бурные волны, отливая серебром на белой пене, венчавшей их гребни.

Видя удивление мужа, Нара сказала:

– Недалеко отсюда стоит маяк. Не один бедный моряк, пребывающий сегодня в море, будет признателен и с радостью встретит этот благодатный свет, который послужит ему путеводителем на его опасном пути. Этот маяк мне кажется эмблемой твоей жизни, Супрамати! Подобно моряку, борющемуся с бушующим морем, ты пустился в неизвестный океан таинственных и ужасных знаний. Среди мрака, окружающего тебя и в ожидающей тебя борьбе со стихиями, твоим единственным кормчим будет твоя *воля*; но надежда на *посвящение* будет тем маяком, к которому ты устремишь свои усилия, а ослепительный свет высшей магии как сияющая звезда будет руководить тобой и освещать твой путь.

– Ты будешь моей руководительницей, моей сияющей звездой на тернистом пути моей странной судьбы, – отвечал он, прижимая жену к своей груди. – Ты дашь мне твою любовь, которая поддержит меня, рассеет мои сомнения и успокоит мою тоску во время предстоящих тяжелых испытаний.

– Да, Супрамати! Я дам тебе мою любовь, но только не земную, не плотскую, а чистую и неистощимую любовь, облагораживающую и скрепляющую наши души навеки и увлекающую их по бесконечному пути совершенствования и знания.

Не отвечая ни слова, он горячо поцеловал руку Нары, ибо сильное волнение смыкало уста обоим, и они молча любовались величественной картиной. Когда начался проливной дождь, Супрамати предложил жене вернуться в комнаты.

Кабинет был освещен лампой под синим абажуром. В камине весело трещал огонь, распространяя тепло. Роскошный комфорт этой комнаты составлял приятный контраст с бушевавшей снаружи бурей.

Веселое расположение духа Нары, которая смеялась и шутила, разливая чай, еще больше увеличивало это приятное впечатление. Вечер прошел очень весело. Но так как супруги чувствовали себя немного утомленными путешествием, а, может быть, и жаждали отжаться своим мыслям, то они рано разошлись по своим комнатам.

Супрамати лег в постель, но сон бежал его глаз. Неизвестность *посвящения*, к которому он готовился приступить, давила его; а то, что он до сегодня видел из загробного мира, скорее отталкивало, чем привлекало его. Кроме того, продолжавшая бушевать буря сильно действовала на его нервы. В глубокой ночной тишине с болезненной ясностью слышно было, как свистел и стонал ветер в камине, как ревел океан, бившиеся о берег бешеные волны потрясали, казалось, утес и заставляли содрогаться стоявший на нем древний замок.

Чтобы переменить направление мыслей, Супрамати стал осматривать окружавшие его вещи. На коврах, покрывавших стены, был изображен турнир: победитель стоял на коленях у ног дамы и получал из ее рук золотую цепь. Рисунок оставлял желать лучшего, а бледные лица владельницы замка и рыцаря были очень некрасивы. Супрамати перевел глаза и стал смотреть на портрет, висевший как раз против него и освещенный лампой, свисавшей с потолка. Портрет был писан на дереве и изображал женщину, одетую в черное, с покрывалом на голове. Исполнение портрета было очень несовершенно, а между тем это несомненно была работа настоящего художника, так как на этом плоском меловом лице выступали два голубых глаза, которым художник сумел придать такое выражение полной отчаянной горечи, что оно пробуждало участие к этой женщине, уже несколько веков тому назад превратившейся в прах.

Да, все здесь говорило о погибшем прошлом и бренности человеческой жизни. Радости и горе стольких угасших поколений поглощены таинственным, невидимым миром. Вдруг тоска и страх перед бесконечной жизнью, расстилавшейся перед ним, болезненно сдавили сердце Супрамати. Позабыв обо всем, он задумался о событиях, давших такое странное направление его жизни.

Как в калейдоскопе проходили перед ним годы его бедной и трудовой жизни в качестве доктора, его научные изыскания и невольный страх смерти, который он чувствовал ввиду подтачивавшей его здоровье чахотки. Затем, как настоящий волшебник из «Тысячи и одной ночи», явился Нарайяна и превратил бедного умиравшего Ральфа Моргана в принца Супрамати, бессмертного миллионера.

Он мысленно снова совершил путешествие в ледники в обществе своего таинственного проводника и услышал его рассказ о чудесных свойствах эликсира жизни. Затем ему вспомнилось его первое свидание с Нарой, встречи с другими бессмертными и вступление в братство рыцарей «Круглого стола вечности» в волшебном дворце Грааля. И, наконец, поездка в Индию и знакомство с магом Эбрамаром, его покровителем в течение долгих веков. При последнем воспоминании беспокойная, давившая его душу грусть сразу рассеялась. Мог ли он падать духом, когда у него – такой могущественный покровитель, верная, любящая жена, и друг Дахир – его собрат по бессмертию?

Почему не пройти ему через то, что перенесли другие? Конечно, плоть немощна и дрожит от соприкосновения с оккультными силами. Но разве не одарен он волей, чтобы победить эту слабость? В эту минуту им овладело страстное желание посоветоваться с Эбрамаром, признаться ему в своем смущении и попросить у него помощи и совета.

Супрамати быстро встал и решил испробовать подарок, который сделал ему маг в тот день, когда он покидал замок в Гималаях. Эбрамар говорил, что с помощью этой вещи он может вызвать его, когда будет чувствовать в этом настоятельную нужду.

На диване лежал небольшой чемодан с различными таинственными вещами, которые он желал всегда иметь под рукой и до которых никто не смел касаться.

Открыв чемодан, Супрамати вынул из него круглый ящик величиной с тарелку и высотой около десяти сантиметров. Ящик этот был сделан из какого-то белого металла, похожего на серебро, но с разноцветным отливом, напоминавшим перламутр. На крышке были выгравированы какие-то неизвестные фосфоресцирующие знаки.

Уже не раз Супрамати с любопытством посматривал на эту вещь. Он и теперь вертел ее в руках, а затем поднес к уху, так как ему показалось, что внутри ящика раздавалось что-то вроде потрескивания.

И действительно, из ящика доносились звуки и как бы шум сдавленного воздуха, какой слышится, если поднести к уху раковину.

Покачав головой, он сел, поставил ящик на стол и нажал подвижной знак посередине крышки, который указал ему Эбрамар. Раздался сухой треск, и крышка открылась. Из ящика

вырвался удушливый аромат и порыв теплого воздуха, напоминавший Супрамати тот воздух, которым он дышал по вечерам, во время своего пребывания в замке в Гималаях.

С любопытством Супрамати наклонился, чтобы посмотреть, что находится в ящике, но не увидел ничего, кроме сероватого пара, клубившегося в глубине, а эта глубина была черна и казалась бездонной, совершенно невероятной для вещи в десять сантиметров высотой; Супрамати не знал, что и подумать.

Но будучи в состоянии полного неведения, он ограничился буквальным исполнением инструкций своего учителя и стал смотреть в ящик.

Через несколько минут в темной глубине появилась небольшая красная точка. Точка эта вращалась, приближалась и быстро увеличивалась.

Вдруг крик ужаса сорвался с губ Супрамати. Перед ним в облачном виде, но совершенно отчетливо появилась прекрасная голова Эбрамара, окруженная легким серебристым паром.

Большие огненные глаза мага смотрели на него глубоким и ясным взглядом; затем улыбающиеся губы открылись, и глухой, хорошо знакомый голос произнес:

– Приветствую тебя, мой сын! Не пугайся: то, что ты видишь – не чудо и не колдовство, а простое приложение законов природы. Твоя беспокойная и смущенная мысль все же дошла до меня, и я явился сказать тебе: не падай духом, не приступив еще к делу, и не бойся неизвестных сил, так как мы оберегаем тебя. Без сомнения, путь посвящения тяжел и тернист, но велика награда тому, кто остается твердым. Ты не можешь даже представить себе то счастье, которое почувствуешь, когда убедишься, что твоя астральная сила выросла и подчиняется твоей дисциплинированной воле; когда осознаешь, что ты уже больше не слепой раб неизвестных и беспорядочных сил, а сознающий свою силу господин космических стихий, покорных твоей мысли и могучей воле.

Супрамати слушал, как во сне, и не мог понять, как Эбрамар, отделенный от него океаном и тысячами верст, мог говорить с ним и явиться ему в осязательном виде. Дрожь сверхъестественного ужаса пробежала по его телу.

В ту же минуту послышался легкий смех.

– То, что ты видишь, сын мой, покажется тебе очень простым, когда ты узнаешь механизм явления, смущающего тебя в эту минуту. Имей терпение, будь мужественным и настойчивым – и настанет час, когда рассеются тени, а перед твоим восхищенным и проясненным взглядом откроются чудеса бесконечности.

Сделав последний дружеский знак, видение стало бледнеть. Голова потеряла свои контуры, расплылась в беловатое облако и превратилась опять в красную исчезающую вдали точку. Ящик закрылся сам собой.

Тяжело дыша, Супрамати завернул ящик в полотно и положил обратно в чемодан. Затем он лег в постель, но долго не мог заснуть. То, что он видел и слышал, произвело на него глубокое впечатление, но в то же время и усилило его желание проникнуть в тот таинственный мир, где таятся такие чудеса.

Его страх и боязнь тоже улетучились. Мысль, что он в любое время может посоветоваться со своим могущественным покровителем, который, несмотря на разделяющее их расстояние, близок к нему, благотворно и успокоительно подействовала на него. Наконец глубокий и укрепляющий сон сомкнул его веки.

Проснулся он свежим и бодрым, в наилучшем расположении духа. Погода тоже прояснилась, и яркий солнечный свет заливал море. Даже пустынная местность под влиянием живительных лучей приняла радостный вид.

Нара тоже была весела и оживленна.

Когда после завтрака Супрамати хотел заняться подробным осмотром замка, жена с улыбкой заметила:

– Для этого у тебя еще будет достаточно времени. Здесь нет ничего особенного, а ту часть замка, которая предназначена для оккультных занятий, я советую тебе осмотреть только под руководством Дахира. Теперь же воспользуемся чудным утром для прогулки и осмотрим окрестности. После обеда я сама провожу тебя в залу, которую я окрестила *храмом посвящения*. Скажи же, мой господин и повелитель, одобряешь ли ты мою программу?

– С радостью, моя красавица-волшебница! Тебе я всегда готов подчиняться. Кроме того, признаюсь откровенно, прогулка по чистому воздуху гораздо интереснее и приятнее, чем осмотр этих старых сводов, – весело ответил Супрамати.

Они сделали большую прогулку на лошадях, а затем спустились к морю по извилистой и каменистой тропинке, известной Наре. Для всякого, кроме бессмертных, путь этот представлял серьезную опасность.

Затем, окончив обед, Нара взяла мужа под руку и увлекла его за собой:

– В твое будущее чистилище, – лукаво прибавила она. Рядом с его комнатой оказался небольшой кабинет, вход в который был искусно скрыт в деревянной обшивке стены. Оттуда они поднялись по винтовой лестнице на верхний этаж и вошли в кабинет, совершенно такой же, как и внизу, тоже темный и лишенный окон.

При свете факела, который несла Нара, Супрамати увидел в глубине комнаты большую железную дверь, покрытую красными и черными каббалистическими знаками. В центре каждой половинки двери, в медальоне, имевшем форму пятиконечной звезды, находились символические рисунки. В одном медальоне была изображена красная змея, стоящая на хвосте и держащая факел; в другом – голубь, несший в клюве золотое кольцо.

Над дверью, как над входом в египетский храм, был вылеплен крылатый солнечный диск, а над ним эмблемы четырех стихий, между которыми извивалась черная лента со следующей надписью, сделанной буквами огненного цвета:

«Кто проходит все области знания, приобретает венец мага; но для того, кто приподнял завесу тайн, нет возврата!»

Нара дала время мужу осмотреть дверь, а затем сказала:

– Знаки, которые ты здесь видишь – это ключи ко многим любопытным явлениям. Но войдем туда!

Она нажала пружину, дверь тотчас же бесшумно отворилась, и они вошли в совершенно круглую комнату без окон. Из прикрепленного к потолку стеклянного шара струился нежный, голубоватый свет, еле озарявший комнату; тем не менее Супрамати мог ясно разглядеть каждую вещь. Эта зала в одно и то же время был и храмом, и лабораторией: с одной стороны стоял на возвышении в несколько ступеней жертвенник с черными бархатными занавесками, поднятыми в данную минуту; а с другой стороны был устроен очаг, снабженный громадными мехами, ретортами, перегонными кубами и другими алхимическими принадлежностями.

На полках виднелись книги в старинных кожаных переплетах, лежали свитки и стояли шкатулки с ящичками; стеклянный шкаф был наполнен пузырьками, горшками и мешками всевозможных размеров. На жертвеннике лежал меч, стоял кубок и был воздвигнут крест, сделанный из какого-то неизвестного металла. Рядом с жертвенником висел колокол.

У стены, на высокой подставке, стояло зеркало с разноцветной и сверкающей поверхностью, какое он уже видел в замке на Рейне. Здесь также стоял посередине комнаты металлический полированный диск и лежал молоток, но только этот диск был больше того, по которому он так неосторожно ударил и вызвал этим странное видение армии крестоносцев.

Между всеми этими вещами были расставлены маленькие столики, снабженные золотыми или серебряными шандалами с толстыми восковыми свечами, какие употребляются в церквях. На двух больших столах были громадные запечатанные фолианты и по довольно большому сосуду с такой чистой и свежей водой, что, казалось, она будто только что была налита. Низкие и мягкие кресла дополняли убранство комнаты.

Странный острый и в то же время живительный аромат наполнял залу.

Когда Супрамати все осмотрел, Нара сказала с улыбкой:

– Пойдем! Мы сейчас вызовем Дахира.

Она подвела мужа к странному зеркалу и нажала пружину. Зеркало тотчас же зашаталось, спустилось с подставки и остановилось перед ними.

Только теперь Супрамати отдал себе отчет в величине зеркала, достигавшей высоты его роста.

В это время Нара достала кусок какого-то вещества, похожего на вату, и начала им сильно натирать полированную поверхность, которая тотчас же потемнела, потеряла свой разноцветный отлив и сделалась черной, как чернила; затем она покрылась серебристыми капельками, которые, казалось, просачивались изнутри.

Как только появился этот светящийся пар, Нара вполголоса запела на незнакомом мужу языке.

Окончив пение, она сказала:

– Теперь смотри внимательно!

С понятным любопытством смотрел Супрамати на этот странный процесс. Поверхность зеркала пришла, казалось, в движение, дрожала и издавала треск; затем она подернулась густым паром, который в свою очередь перешел в фиолетовый туман. Потом этот род покрывала раздался и открыл вид на море.

Перед ними, теряясь вдаль, расстилалась равнина, волнуемая свежим ветерком; острый морской воздух ударил в лицо, а издали, скользя по волнам, быстро приближался корабль, который Супрамати тотчас же признал за судно Дахира.

Скоро ясно вырисовалась палуба корабля, который через несколько минут поравнялся со странным окном. На палубе, прислонясь к мачте, стоял Дахир и на бледном лице его играла улыбка. Приподняв свою фетровую шляпу, он любезно поклонился.

– Торопись, Дахир! Мы ждем тебя. Супрамати сгорает от нетерпения! – крикнула Нара, делая рукой дружеский знак.

– Завтра вечером я буду ужинать с вами, – ответил звучный и хорошо знакомый голос.

В ту же минуту фиолетовый пар закрыл отверстие странного окна, затем появился металлический диск и стал быстро поглощать облачные клочки, еще носившиеся по его поверхности. Потом все приняло свой обычный вид.

Супрамати опустился на стул и отер пот, выступивший у него на лбу.

– От всего того, что я испытываю, видя невероятные явления, ниспровергающие все законы природы, можно сойти с ума! – пробормотал он, откидывая голову на спинку кресла.

Нара громко рассмеялась.

– Когда ты, Супрамати, впадаешь в напыщенное тщеславие патентованного ученого, то начинаешь говорить очень забавные вещи. Разве возможно ниспровергнуть законы природы? Не проще ли и не логичнее ли допустить, что существуют неизвестные еще вам законы, применение которых людьми, умеющими управлять ими, производит феномены, потому только кажущиеся тебе такими поразительными, что ты не знаешь их сущности. Скоро все эти «тайны» объяснятся для тебя, и ты первый будешь смеяться над своим сегодняшним волнением.

Супрамати с живейшим нетерпением ждал вечера следующего дня. Несмотря на очевидность, врожденный скептицизм заставлял его не доверять своим глазам. Ему казалось невозможным, чтобы Дахир прибыл, как обещал. Вчерашнее видение должно было быть не что иное, как галлюцинация, вызванная его расстроенными нервами.

По приказанию Нары ужин был накрыт на три персоны, а около десяти часов один из старых слуг ввел ожидаемого посетителя.

На этот раз на Дахире был изящный и безукоризненный современный костюм. Когда он поздоровался с хозяевами дома, все сели за стол.

По окончании ужина, когда они остались одни, Дахир крепко пожал руку Супрамати и сказал:

– Благодарю тебя, друг, что ты избрал меня своим руководителем! Я устал блуждать по морям и счастлив отдохнуть здесь в вашем обществе!

– Я только действовал под влиянием симпатии к тебе; а это не заслуживает никакой благодарности, – весело ответил Супрамати. – Но когда ты предполагаешь начать наши занятия?

– Завтра вечером, если ты ничего не будешь иметь против этого.

– Отлично! Не предпишешь ли ты мне какой-нибудь приготовленный к нашим занятиям ритуал?

– Приготовления начнутся только вечером, а до тех пор мы свободны!

– Тем лучше! – заметил Супрамати.

Затем разговор перешел на другие предметы. Следующий день прошел очень быстро. Они беседовали, гуляли и пообедали с аппетитом. О посвящении не было сказано ни слова. Только вечером Дахир сказал:

– Время нам удалиться, Супрамати! Простись на неделю со своей прекрасной супругой. Это время нам необходимо, чтобы подготовиться к первому акту твоего посвящения.

Молодые люди удалились в лабораторию, которую мы уже описали. К удивлению Супрамати, его руководитель открыл дверь, о существовании которой он не подозревал, и ввел его в смежную комнату. Там стояли две кровати и что-то вроде большой и широкой стеклянной ванны, наполненной синеватой прозрачной жидкостью.

– Здесь, – сказал Дахир, – мы должны провести неделю в посте, молитве и очищении. Начнем сейчас же!

Он зажег двенадцать подсвечников с восковыми свечами толщиной в кулак и затем разжег уголья на треножнике, бросив на них горсть порошка, который вспыхнул разноцветным пламенем и наполнил комнату удушливым ароматом.

– Теперь разденься и погрузись в этот бассейн! – скомандовал Дахир.

Супрамати повиновался; но, к великому его удивлению, то, что он считал водой, оказалось каким-то странным, почти неосязаемым веществом. Правда, он ощущал влажность, но влажность эта, казалось, происходила от веяния воздуха, а не от жидкости. Затем Супрамати ощутил покалывание по всему телу, и с недоумением убедился, что полная до краев ванна опустела каким-то непонятным образом.

Супрамати не мог сказать, вытекло ли это странное вещество через какую-нибудь невидимую отводную трубу, или оно было поглощено его организмом? Только он чувствовал себя спокойным, сильным, и с чувством удовлетворения выйдя из ванны, стал одеваться.

Дальнейшее время быстро пролетело.

Супрамати каждый день брал ванну из таинственной субстанции и подвергался окуриванию. Два раза в день Дахир давал ему пищу, состоявшую из белого хлебца и кубка красного вина, которые он брал на жертвеннике в лаборатории. Остальное время Супрамати было занято чтением молитв, отмеченных в тетради, данной ему его руководителем, в заучивании наизусть различных магических формул и в упражнениях, предназначенных для дисциплинирования воли и для приобретения привычки сосредоточиваться на одном предмете.

Поглощенный этими занятиями, Супрамати даже не замечал, как бежало время. Он чувствовал себя бодрым; ум его был ясен как никогда. Он не ощущал ни голода, ни утомления и был крайне удивлен, когда Дахир сказал ему:

– Семь дней прошло. Прими последнюю ванну и надень одежды, которые лежат в этом ящике.

Супрамати поспешил исполнить приказ. И, выйдя из ванны, достал из ящика длинную и широкую тунику молочно-белого цвета, до самых пяток закрывавшую его мягкими складками. С любопытством он ощупал материя: то не был ни шелк, ни шерсть, ни полотно. Очень тонкая и в то же время плотная и нежная, как пух, материя эта сверкала, словно была покрыта капельками росы, и издавала легкий треск, когда ее мяли.

– Что это за материя? Я никогда еще не видал такой, – спросил Супрамати.

– Эта ткань сделана из волокон магического растения, – ответил Дахир, надевая такую же тунику.

Затем он вынул из другого ящика два металлических пояса с рельефными каббалистическими знаками и цепь с фиолетовой звездой. Когда Супрамати надел то и другое, Дахир прибавил:

– Съешь этот кусок хлеба и выпей кубок вина. Затем возьми восковую свечу, и в путь!

Супрамати молча повиновался. Сердце его сильно билось, так как, очевидно, настал час в первый раз войти в соприкосновение с ужасным невидимым миром.

Вооружившись лежавшим на жертвеннике мечом и взяв в другую руку восковую свечу, Дахир продолжал:

– Теперь иди к завесе, висящей в глубине комнаты! Я следую за тобой.

Мужественно подавив охватившее его волнение, Супрамати направился к указанной завесе, которой раньше не замечал.

Как только он приблизился, тяжелая завеса раздалась, приподнятая будто невидимыми руками, и открылся узкий проход в виде моста, перекинутого через черную бездну, зиявшую по обе стороны. Не оглядываясь, Супрамати перешел бездну.

Поднялась вторая завеса, и он вошел в обширную залу, круглую, как и лаборатория, и почти совершенно пустую. Посредине, на каменном полу, был начерчен красный круг, вокруг которого стояли четыре треножника с угольями, пылавшими разноцветными огнями: белым, синим, зеленым и красным. От удушливого аромата, наполнявшего комнату, у Супрамати закружилась голова. Но он забыл обо всем, увидев Нару, которая дружески ему улыбалась.

Босая, как и они, одетая в такую же тунику, молодая женщина стояла в глубине комнаты у веревки от колокола, висевшего под потолком. Ее распущенные и ниспадавшие до самых пят волосы окутывали ее, точно блестящим плащом. Она была прекраснее, чем когда-либо, но ее очаровательное личико дышало торжественной важностью и непоколебимой волей.

– Иди и стань в середину круга! – сказала она повелительно. Супрамати повиновался, употребляя все усилия, чтобы сдержать сотрясавшую его дрожь.

Тогда Дахир, подняв свой меч и махнув им в направлении севера, юга, востока и запада, запел странную песнь, а Нара стала медленно ударять в колокол.

Протяжные и стонущие звуки наполнили атмосферу, аккомпанируя голосу Дахира. Можно было подумать, что ударяют по какому-нибудь стеклянному инструменту.

Вдруг пение и звон колокола смолкли. Затем, после минутной гробовой тишины, Дахир вскричал громовым голосом:

– Стихийные духи! Явитесь из недр земли, глубины вод, с высот эфира и из огня, все проникающего! Явитесь нам, слуги пространства, движущие силы стихий!

При этом вызове зала наполнилась шумом. Ветер свистел, земля дрожала, а в воздухе раздался треск. Казалось, невидимая толпа двигалась и толкалась вокруг присутствующих. Затем густые облака как дымом заволкли залу, но они скоро рассеялись, и тогда стало видно, какая странная армия толпилась у круга, устремив на Супрамати пылающие взгляды.

Это были сероватые, с неясными контурами существа, закутанные в развевавшиеся покрывала. Они пытались, видимо, переступить через черту круга, но тотчас же воздух пронесла молния, а над Супрамати появился сияющий белоснежный крест.

Призрачные сущности отступили назад и разбились на четыре группы вокруг каждого из треножников. Теперь очертания их стали отчетливее и можно было различить их странные и ужасные формы.

Одни были красны, как огонь, и, казалось, отлиты из раскаленного железа; другие, зеленоватые, были точно из болотной стоялой пены, а человеческого в них было только одни фосфоресцирующие глаза. Третья группа отличалась странными формами и была снабжена голубоватыми крыльями. Она безостановочно кружилась вокруг треножника, на котором пылало синее пламя. Наконец, среди клубов черного дыма двигались отвратительные маленькие существа со зловещими, серо-землистыми лицами.

Дрожа и обливаясь потом, смотрел Супрамати на эту страшную толпу, а восковая свеча чуть не выскользнула из его рук. Как во сне слышал он пение, раздавшееся затем в пространстве, то гармоничное и глухое, то резкое и нестройное. Это была смесь жалоб, рыданий, радостных криков и порывов к свету.

Тогда вторично раздался звучный голос Дахира.

– Духи стихий! Вы ищете господина, ищете поле труда? Этот новый господин – вот он! Я связываю вас с ним, а вы поклянитесь повиноваться и помогать ему.

Оглушительный удар грома потряс замок до самого основания. Яркие молнии сверкали со всех сторон, окружив на миг Супрамати огненной сетью. Земля, казалось, расступилась, образовав у его ног черную бездонную пропасть. В ту же минуту на другой стороне пропасти обозначилась каменная арка – монументальный ход в неведомый и окутанный тьмой «потусторонний» мир. Нара и Дахир проворно очутились рядом с неофитом, схватили его за руки и толкнули вперед.

– Пройди, не отступая, четверо врат *невидимого*, или ты погибнешь. Держи крепко *свет* и иди без колебания! – энергично крикнули они ему.

С отчаянием, но мужественно стиснув зубы, бросился Супрамати вперед и перешел пропасть, судорожно сжимая в руках восковую свечу.

Переступив порог арки, он очутился в абсолютной темноте. Земля была скользкая и, казалось, ежеминутно могла обсыпаться под его ногами. Тем не менее он шел вперед, глядя на свечу, которую держал у руках, подталкиваемый сильным ветром, дувшим ему в спину.

Через минуту, показавшуюся Супрамати вечностью, в полумраке вырисовалась арка иной формы, служившая входом в узкий и почти темный коридор.

Осмелев, Супрамати решительно вошел в этот проход, и тотчас же его со всех сторон окружили ужасные животные. Пресмыкающиеся, летучие мыши и ядовитые насекомые появлялись из мрака, кусая его и цепляясь к нему.

Почти бессознательно, с отчаянием продолжал Супрамати свой путь по скользкой земле, не отдавая себе отчета, что было под ногами.

Ослепительный свет, ударивший ему в лицо, заставил его на минуту остановиться. Коридор внезапно расширился и обнаружилась новая дверь, вся в огне. От нее, как из очага, исходило пламя, а у порога сидело фантастическое животное гигантской величины с человеческим лицом.

За спиной ужасного чудовища возвышались огромные крылья, а взгляд грозил смертью всякому, кто к нему приближался.

Ледяной пот выступил на лбу молодого доктора, но в его ушах звучали слова руководителей:

– Иди вперед без колебаний, не отступая, или ты погиб! И он с мужеством отчаяния бросился вперед. Супрамати казалось, что он окунулся в огненный поток. Глаза страшного существа точно раскаленным железом пронизывали его, и он инстинктивно поднял руку со свечой. Но, к крайнему своему удивлению, он увидел, что чудовище опустило голову и пошло перед ним, будто указывая ему путь.

По мере того, как они двигались вперед, чудовище теряло отвратительный вид. Противный образ животного превратился в лик ангела чудной красоты. Кудрявая голова была украшена гирляндой белоснежных цветов. Тело чудовища покрылось мало-помалу огненной туникой, которая легкими и грациозными складками драпировала его, воздушное и стройное.

Вдруг огонь угас. Теперь перед испуганным взором Супрамати расстилалась водная поверхность. Ветер ревел, вздымая бурные и высокие, как горы, волны и бросая в лицо неопита и огненного ангела клочья пены, венчавшие гребни волн.

Супрамати готов был остановиться, но ангел глумливо взглянул на него и молодой человек, точно получив удар шпор, бросился в волны. С минуту ему казалось, что он тонет в бездонной пропасти. Ледяная вода покрыла его, затрудняя дыхание; в ушах у него шумело, голова кружилась, а в глазах потемнело. Но вдруг на него налетела волна, подняла его и, как на челноке, вынесла на поверхность.

Супрамати удивленно оглянулся. Вода исчезла; рев волн и свист ветра тоже смолкли: вокруг царил величавая тишина.

Он стоял на гладкой, как полированное зеркало, поверхности небольшого озера, и кругом расстилался веселый пейзаж. Виднелись зеленые группы деревьев и лужайки, усеянные цветами, а над головой сиял голубой небесный свод. Перед ним, утопая в потоке ослепительного света, стоял огненный ангел. В высоко поднятой руке он держал белоснежный, залитый кровью крест.

Лицо этого таинственного проводника дышало нечеловеческим величием; пламенный взгляд его, ясный и непроницаемый, был устремлен в ослепленные глаза Супрамати. Затем раздался его звучный голос:

– Смотри! – сказал он, указывая на крест. – Вот путь вечности, залитый кровью тех, кто победил плоть! На этом пути все страждут; здесь должны быть побеждены все человеческие страсти, все похоти, все душевные слабости. Материальный человек здесь распинается, чтобы восстать нематериальным и войти в великую дверь абсолютного знания. Итак, переступи этот порог, орошенный твоим трудовым потом и увенчанный жертвой твоей плоти, – и для тебя загорится в невидимом мире ослепительная звезда мага!

Веселый пейзаж затуманился и изменил свой вид. Зеленеющая земля поднялась и открыла под собой склеп, озаренный смутным полусветом. Посредине склепа стоял открытый саркофаг, над которым сверкала ослепительная звезда, а рядом с каменной гробницей стоял гений, служивший ему проводником. Только теперь вместо креста он держал в руках черный кубок.

– Что все это значит? – как молния пронеслось в голове Супрамати.

– Это означает следующее: вот загадка, которую ты должен разгадать, – ответил гений, поднимая черный кубок.

В ту же минуту все потемнело. Супрамати почувствовал, что он летит в бездну и потерял сознание.

Открыв глаза, он увидел Нару и Дахира, склонившихся над ним.

Супрамати провел рукой по лбу и попытался собраться с мыслями. Ему казалось, что он очнулся от тяжелого кошмара, полного ужасных видений.

Но вдруг к нему вернулась память, и он ясно припомнил, что произошло. Но когда он открыл было рот, чтобы заговорить, Дахир приложил палец к губам и сказал наставительно:

– Молчи! Не разоблачай тайн, виденных тобой! Носи их в себе как руководящий свет!

Глава вторая

После нескольких дней, посвященных отдыху и проведенных в веселых дружеских беседах и в интересном чтении, Дахир объявил однажды вечером, что пора снова приняться за работу, а для этого завтра же на рассвете надо быть в лаборатории.

– Опять мы будем делать вызывание? – с гримасой спросил Супрамати.

Нара погрозила мужу пальцем, а Дахир со смехом ответил:

– Нет, мы предварительно займемся теорией: практика придет потом.

На следующее утро, едва взошло солнце, Супрамати явился в лабораторию. Дахир был уже там и читал, склонившись над объемистым фолиантом.

Они дружески поздоровались и затем Дахир сказал, вставая со стула:

– Прежде всего, мой брат, я покажу тебе, как должно начинать наш день.

Он отвел Супрамати в комнату, где стояли две кровати и ванна. Эту комнату они прошли, не останавливаясь, и через потайную дверь по винтовой лестнице спустились в нижний этаж, где была устроена настоящая купальня с большим мраморным бассейном посередине. Остальную меблировку составляли туалет со всеми принадлежностями, постель и два больших сундука.

– Три раза в день мы освежаемся здесь ванной. Вот видишь эту пружину? Если ты нажмешь ее, то бассейн наполнится; если же ты подвинешь ее вправо, то жидкость исчезнет. В воду ты выльешь стакан ароматической эссенции из этой амфоры с синей эмалью. Выкупавшись же, одень одежду, которые найдешь в сундуке. Эти одежды гораздо удобней; кроме того, они лучше приспособлены по своей форме и цветам к нашим работам, чем ваши модные костюмы. Прделав все это, приходи ко мне в лабораторию.

Ванна необыкновенно освежила Супрамати. Ароматическая эссенция придала воде нежно-розовый оттенок и наполнила комнату ароматом роз и фиалок.

В сундуке Супрамати нашел длинную и широкую одежду из черной шерсти, черную же маленькую шапочку и золотую цепь с висевшим на ней нагрудным знаком, украшенным семью различными драгоценными камнями.

Придя в лабораторию, он увидел Дахира в таком же костюме.

– Мы оба напоминаем доктора Фауста! Для полноты иллюзии не хватает только Мефистофеля.

– Все нет! Я именно и представляю Мефистофеля, переодетого честным ученым доктором, – весело ответил Дахир. – Я и посвящу в дьявольские тайны черной магии тебя, благородный Фауст, одаренного вечной молодостью, гораздо более продолжительною, чем молодость твоего прототипа. Кроме того, худая слава, которой наградила меня легенда, делает меня вполне подходящим для роли искусителя.

Когда они сели, Дахир продолжал:

– Сначала я буду говорить тебе о «первоначальной материи», то есть о том необыкновенном веществе, которое ты принял, но о котором ты ничего не знаешь. Не думай, что я могу дать тебе вполне ясные объяснения; я сам едва знаю азбуку гигантской науки, заключающей в себе весь механизм вселенной. Не буду говорить о данных современной науки, которые ты, как доктор и прекрасный химик и сам знаешь; я напомним только, что «официальная» наука не знает природы большей части физических двигателей, окружающих нас, что при изучении начал или составных элементов тела делаются все новые открытия, и что не одно тело, считавшееся простым, оказывалось весьма сложным.

Итак, по всему бесконечному пространству распространено эфирное вещество, более тонкое, чем самый тонкий и невесомый газ или флюиды. Это вещество – *первоначальная мате-*

рия, как мы его называем. Оно, если только можно так выразиться, представляет собою огонь в состоянии неуловимого флюида, дающего жизнь, и которым пропитано все.

Но знают ли высшие посвященные все свойства этой необыкновенной субстанции, которую по праву можно назвать *жизненным соком вселенной*, мне неизвестно.

Это вещество распространено по всему пространству вселенной. Когда начинается образование туманного пятна, то благодаря необыкновенной скорости вращения первоначальная материя сгущается, и каждая из образующихся планет поглощает ее в таком количестве, какое необходимо для ее будущих нужд. Эта мать-кормилица необходима для жизни небесных тел в течение миллиардов лет со всем, что находится на них, так как первоначальная материя входит во все, что живет, дышит, двигается и выделяет световую энергию. Там, где этот свет гаснет, начинается разложение; это – смерть.

Каждая планета заключает в своих недрах известный запас этого жизненного сока, и мир существует только до тех пор, пока не истощится последняя капля первоначальной материи, и не нарушится равновесие стихий, которое поддерживается этой странной субстанцией, так как она и есть то *божественное дыхание*, о котором говорит книга Бытия – это дыхание Создателя, которое парит над мраком хаоса и разделяет стихии. Действительно, первоначальная субстанция, проникая в образующуюся материю, хотя и производит разделение, но всегда сохраняет первенствующую роль, преобразуясь работой вращения в различные оживляемые ею тела; хотя и предназначенная таким образом питать мир в течение всей его планетной жизни, но органическим, оживляемым ею существам, в силу дробления и бесконечной передачи, она дает лишь ограниченную жизнь, что ты видишь в растениях, животных и людях.

В чистом виде субстанция эта никогда не входит в обыкновенную жизнь, а передается из поколения в поколение через возрождение.

Для нас, «бессмертных», все это представляется иначе. Мы поглощаем первоначальную материю в ее примитивном виде и приобретаем этим для нашего тела продолжительность планетной жизни.

Как тебе уже известно, никакое излишество и никакая случайность не могут истощить неисчерпаемый источник заключающейся в нас жизненности, если только не прибегать к средству, употребленному Нарайяной и имеющему весьма важные последствия; мы, чтобы умереть, должны ждать перехода на другую планету. Там первоначальная материя находится в иных, чем в нашем мире, химических комбинациях, с которыми не может уже ассимилироваться истощенная и ослабленная жизненная субстанция, находящаяся в нас.

Начнется разложение, и вот, после нашей долгой жизни, мы отпразднуем наконец наше вступление в невидимый мир. Поэтому благоразумно будет употреблять все усилия, чтобы прогрессировать, а не оставаться на одном месте в нашей духовной жизни.

Супраматри вздрогнул и нервно откинул свои каштановые волосы.

– Знаешь ли, Дахир? Имея полное понятие о том, что делаю, я ни за что на свете не выпил бы этот предательский кубок. Бывают минуты, когда перспектива этой бесконечной жизни просто кружит мне голову.

– Верю! Я и сам испытал то же самое. Но чем больше я изучал, тем все более таяло это чувство. Во всяком случае, раз Рубикон перейден – надо идти вперед!

– Скажи, пожалуйста, кому это посчастливилось первому получить первоначальную материю во всем ее страшном могуществе, и каким образом он передал ее другим?

– Ты спрашиваешь у меня о том, чего я и сам не знаю. Трудно указать изобретателя *панацеи*, благодеянием которой мы пользуемся ввиду древности этого события. На этот счет существуют предания, которые покажутся тебе в высшей степени легендарными.

Так, утверждают, будто Ева, искушенная Змеем (временем), вкусила этой субстанции, так как жизнь казалась ей такой прекрасной, что она желала, чтобы та продолжалась бесконечно. Она угостила также Адама, и за это оба они были изгнаны из Рая. Но, покидая Рай,

они захватили с собой запас этого вещества, чем и объясняется продолжительная жизнь первых патриархов и Мафусаила. Говорят также, что и Мельхиседек имел это вещество и был уже членом братства, Хирам тоже, а Прометей похитил его и был уничтожен.

Где же находится первоначальный источник этой таинственной субстанции, я не знаю. Одни утверждают, что на острове Цейлон, где находился земной Рай; другие говорят о таинственном месте в Месопотамии, между Тигром и Евфратом, некоторые же уверяли меня, что в Африке есть грот, доходящий почти до центра земли, в котором и течет источник жизненных сил.

Кто знает, где истина во всех этих рассказах? Я могу только утверждать, что весьма значительное количество этого вещества находится в распоряжении каждого центра нашего братства, под охраной одного из членов.

Нарайяна был стражем такого склада, находящегося в ледниках, а теперь им являешься ты.

Постой! Я забыл тебе сказать еще кое-что по этому поводу. Мне говорили, что большие змеи известной породы знают свойства первоначальной материи и умеют находить путь для добычи ее. Царица змей будто бы обязательно поглощает это вещество. Но затем змея изрыгает эту материю, которая благодаря соприкосновению с воздухом и животным эманациям, пропитавшими ее, принимает вид голубоватого светящегося камня, одаренного чудесной силой.

Это, так сказать, *палладиум* каждого царства змей. Но посвященные умеют доставать этот камень, обладающий необыкновенными свойствами. Он излечивает болезни, предохраняет от смертельных ядов, залечивает раны, развивает оккультные силы души, дает ясновидение и прочее.

Обладатель такого камня может подчинить себе волю других людей, сам же остается неуязвимым от всех таких поползновений.

Не раз профаны обладали подобными камнями, не подозревая обо всех их свойствах. Бессмертный посвященный может, если хочет, каплей первоначальной эссенции разложить такой камень, который тогда испаряется, превратившись в газ.

Из них делают магические звезды; подобный же камень находится в нагрудном знаке Махатмы. Из материи такого камня состоял порошок, который имели в руках Ван Гельмонт и Гельвеций и при помощи которого даже самые грубые металлы можно превратить в золото.

Настоящие магические жезлы (не простые жезлы колдунов) всегда пропитаны первоначальной материей. Отсюда их сила над стихиями. При помощи такого жезла маг производит растительность, делает хорошую погоду или вызывает дождь, бурю, гром и молнию.

При помощи подобного жезла Моисей разверз землю и вызвал огонь, пожравший бунтовщиков.

Первоначальная материя, в виде порошка, представляет философский камень алхимиков; смешанная с землей, она производит магические растения; а этот же порошок в соединении с различными химическими веществами образует драгоценные камни, одаренные разными магическими свойствами. Словом, маг, сообразно со степенью своего знания, может вызывать различные явления, и увидев какое-нибудь из них, ты вообразил бы себя в волшебном мире; а между тем все, что ты увидел бы, было бы простым, мудрым применением сил, неизвестных профанам.

Все маги и посвященные владеют первоначальной материей. Одни принимают ее, чтобы гарантировать себе планетарную жизнь; другие довольствуются тем, что пользуются ее свойствами и изучают ее, как особую науку.

– Следовательно, не все маги и посвященные пользуются планетарной жизнью? – спросил Супрамати.

– Все они живут необыкновенно долго; даже те, которые не хотят удлинять срок своей жизни при помощи знания. Это происходит потому, что их трезвая и правильная, без всяких

излишеств жизнь, более духовная, чем материальная, необыкновенно медленно исчерпывает жизненную силу.

Но кроме бессмертных нашего братства, существует еще весьма значительное число посвященных, обеспечивающих себе Многовековую жизнь при помощи других средств, которые сохраняют им молодость либо зрелый возраст, оставляя им возможность когда угодно уйти в невидимый мир. Только эта категория мудрых обязана выдерживать специальный режим и должна тщательно избегать всяких излишеств, чего бессмертный нашего братства не обязан делать. К несчастью, в братствах попадаете не один член вроде Нарайяны и встречаются порочные невежды, играющие с огнем, не стремясь изучить и понять страшную силу, которой они располагают. Но такие люди исчезают со сцены через более или менее продолжительное время, как исчез и твой предшественник.

– Итак, мы начнем с изучения первоначальной материи? – осведомился Супрамати.

– И да и нет! Без сомнения, первоначальное вещество заключено во всем, и мы встретим его всюду в самом разнообразном применении; но наша настоящая программа будет гораздо ограниченной. Мы будем изучать то, что называется черной магией, то есть мы займемся изучением стихий в их дисгармоничном и разрушительном состоянии. Всякая стихия имеет своих работников. Вот ты и ознакомишься прежде всего с этими низшими, но ужасными в своем могуществе деятелями. Только тогда, когда ты победишь их, сделаешься их господином и перестанешь бояться беспорядочных окружающих нас грозных сил, мы перейдем к низшей степени белой магии, где нас уже ждет награда, а именно относительный мир, известная гармония и осознание нашей силы. Пройдя эту степень, я надеюсь, ты будешь в состоянии сделаться учеником Эбрамара и под его руководством подняться на несколько ступеней к сияющему очагу *абсолютной гармонии*.

– Хватит ли у меня сил идти по этому тернистому пути? – пробормотал Супрамати.

– Главное – не сомневайся. Помни всегда, что *сомнение* есть уже полупоражение. Конечно, тебе остается многое победить и предстоит перенести суровые и тягостные испытания; но с энергией и настойчивостью ты преодолеешь то, что преодолели другие, что до тебя преодолел и я! Подумай только, насколько грубому и невежественному пирату было труднее пройти первые ступени знания, чем тебе, ученому, уже приготовленному к умственному труду.

– Ты прав, брат, и я краснею за свое малодушие. Позволь мне поблагодарить тебя и извиниться за то, что я возложил на тебя неблагоприятное бремя посвящения такого невежественного профана, как я, который не раз выведет тебя из терпения.

Дахир улыбнулся и горячо пожал протянутую Супрамати руку.

– Не мучай себя напрасными угрызениями. Я рад быть твоим руководителем. Разве мы не истинные братья, соединенные одной и той же судьбой, одинаковыми идеями и общей работой? Мое терпение никогда не истощится, так как я сам прошел через все сомнения, волнения и тяжелые испытания, которые ожидают тебя. Я пережил неизбежные моменты упадка духа, нетерпения и даже досады, когда, применяя оккультные законы, я видел явления, основы которых не мог объяснить себе; много вопросов оставалось без ответа, а мне великодушно говорили: «Ты поймешь это позже!»

Далее разговор продолжался на ту же тему. Супрамати особенно интересовался первоначальной материей и все расспрашивал о ней своего друга, так что Дахир со смехом сказал:

– Я вижу, что ты хочешь с одного удара проникнуть в «Святая святых» и знать более того, что я могу передать тебе. Это невозможно; я научу тебя только азбуке. Но так как ты интересуешься свойствами и действием первоначальной материи, то пойдем: я проведу тебе опыт, который покажет тебе, как действует таинственный двигатель при формации планет, разделяя на различные части основные элементы.

Очень довольный, Супрамати встал и последовал за Дахиром, а тот направился вглубь комнаты, нажал пружину и открыл дверь.

– Этот замок положительно похож на ящик с секретными отделениями! Его стены и полы полны сюрпризов, – со смехом заметил Супрамати.

Войдя за своим проводником в круглую залу, он чуть было не упал, до такой степени был гладок и блестящ пол в этой комнате.

– Черт возьми! Мне кажется, прости, Господи, что мы идем по хрусталу! – прибавил он.

– Совершенно верно, – так же весело ответил Дахир. – А потому иди осторожней!

Супрамати с любопытством оглянулся кругом. Зала была почти пуста.

– Скажи, Дахир, отчего здесь все комнаты круглые, а не четырехугольные? Не составляет ли это какой-нибудь магической особенности? – спросил он.

– Да, при всех магических операциях круг гораздо благоприятнее для вращения токов, чем ломаные фигуры, – ответил Дахир.

Затем он поднял плотную завесу и открыл высокое и узкое окно, состоявшее из одного цельного и очень толстого стекла.

– Смотри! Середина пола сделана из красного хрусталя, а там, на цоколе, стоит нечто вроде хрустального же ящика. Это и есть инструмент, с помощью которого мы произведем наш опыт.

Супрамати подошел и наклонился над большим прозрачным ящиком. Он казался совершенно пустым, и только на дне его клубился небольшой туманный клочок, отливавший всеми цветами радуги.

– В этом приемнике находится флюид пространства в том состоянии и в тех комбинациях, какие были во время образования нашей планеты. Сейчас ты увидишь, какое действие произведет на него первоначальная материя.

Дахир вынул из кармана маленький флакон с золотой пробкой, наполненный таинственной, хорошо знакомой Супрамати жидкостью.

– Этот флакон, – сказал он, – снабжен механизмом, который пропускает только одну десятую часть капли материи, необходимую для нашего опыта.

Минуту спустя капелька, похожая на огненную искорку, упала на дно ящика. В то же мгновение Супрамати почувствовал сильный удар в затылок, и ему показалось, что земля заколебалась под его ногами. Дахир схватил его за руку и поддержал. Впрочем, это ощущение длилось не более секунды, и он едва обратил на него внимание, так как все его мысли сосредоточились на зрелище, разыгравшемся перед его глазами.

Внутри хрустального приемника все кипело. Разноцветные облака кружились с головокружительной быстротой, расплываясь, стущаясь, извиваясь спиралью и разбиваясь на клочья, словно гонимые ураганом. Для полноты иллюзии комнату наполнили треск, свист и оглушительный шум, будто несколько электрических машин были в ходу. Шум этот минутами заглушался раскатами грома.

Вдруг все эти звуки стихли, и все расплылось в сероватый пар, изборожденный молниями. Затем произошло что-то неопишное по своей быстроте, и перед пораженным взором Супрамати образовались четыре слоя, различные по цвету и по составу.

В глубине ящика с треском волновалась расплавленная масса; над ней появился черноватый, но прозрачный слой, а третий слой был еще прозрачней и имел голубоватый оттенок. Все остальное пространство было наполнено сероватым паром. При более внимательном рассмотрении этот пар был смешан как бы с тканью из тысяч светящихся точек.

От расплавленной материи поднималось что-то вроде тонких жил, которые с потрескиванием взбегали по всем трем ярусам слоев, нигде не останавливаясь и извиваясь подобно громадной змее.

– То, что сейчас произошло перед тобой в несколько минут, в пространстве совершается в миллионы лет, при действии этой первоначальной материи, несколько капель которой было бы достаточно, чтобы пожрать нашу планету и привести ее в газообразное состояние. Так как

опыт, который я показал тебе, очень несовершенен, то не образовалось сферической формы. Но это все равно! Ты и без этого понимаешь, что расплавленная материя – это центр планеты, очаг жизненного начала; черноватый слой представляет первую конденсацию самых грубых материй, образующих кору. Далее идет жидкий и атмосферический слой, пронизанный огнем пространства, называемый вами электричеством, токи которого, изображающиеся огненными жилами, всегда находятся в сообщении с главным резервуаром центра.

Дав Супрамати вдоволь насмотреться на странный, вызванный им мирок, Дахир взял громадную лупу и подал ее своему другу.

– На, возьми. Этот инструмент сделан из бриллианта, весившего более ста каратов. Эта лупа гораздо совершеннее ваших луп. С ее помощью ты можешь видеть, что когда формирующиеся материи достигают той степени, как в нашем случае, можно уже различить формы существ и растений, зародыши которых она содержит, и которые позже произведет Земля.

Супрамати схватил инструмент, и с его губ сорвалось глухое восклицание. Перед его изумленным взглядом появилась неисчислимая масса растений и животных всевозможных форм. Это были флора и фауна, отличавшиеся поразительным разнообразием. Но все было воздушно, неясно и до такой степени перемешано, что понадобились бы целые месяцы, чтобы разобраться в подробностях.

Дахир оторвал его от рассматривания.

– Пора опять разложить все это. Пока ты достаточно видел, а подобное изучение всего потребовало бы слишком много времени. Я приведу наш крошечный мир в соприкосновение со свежим воздухом, – и все разложится.

Он открыл окно, и поток свежего морского воздуха ворвался в комнату. Тогда Дахир открыл ящик, и почти тотчас же слои смешались, расплылись в сероватый пар, который испарился в атмосфере, не оставив никакого следа.

Закрыв окно, он опустил занавес, а затем оба они перешли в соседнюю комнату.

Поглощенный и взволнованный всем, что он видел, Супрамати сел в кресло и глубоко задумался.

– Пойдем обедать. Ты еще не видел нашей столовой, – весело сказал Дахир, хлопая его по плечу.

– Ты прав! Я голоден; только я забыл про это.

– Хороший знак! Если ты забыл про обед, то это значит, что ты способен сделаться ученым.

Разговаривая, они прошли через лабораторию, спустились по лестнице и через дверь, находившуюся в темном кабинете, вошли в небольшую залу с почерневшими от времени балками и темной стеной резьбой. Массивные буфет, стол и стулья с высокими спинками указывали на древность замка.

Узкое окно с цветными стеклами было открыто и около него стояло узкое кресло под балдахином.

Покрытый белой скатертью стол, убранный серебром и цветами, был сервирован на две персоны. У одного из стульев стоял карлик, исполнявший должность лакея.

Обед состоял из овощей, яиц и пудинга из сушеных фруктов. Кроме того, на столе стояли сыр, хлеб, масло, молоко и бутылка вина.

Виноград, груши и персики предназначались на десерт.

– Наше меню не отличается разнообразием, но все время, пока мы будем работать здесь, ты должен довольствоваться вегетарианской пищей. Все посвященные проходят через это, – заметил Дахир, улыбаясь. – Если бы мы были простыми смертными, нам пришлось бы довольствоваться одним только хлебом и водой, чтобы приготовить строгим постом наши тела к предстоящим опытам; но так как мы – бессмертные, то можем позволять себе роскошь такого обеда.

– О! Вегетарианский режим я нахожу превосходным, – ответил Супрамати. – Все время, пока я жил у Эбрамара, я питался исключительно овощами и не чувствовал никакого дискомфорта из-за отсутствия животной пищи, которая, впрочем, мне самому противна.

– Когда кончится срок твоего первого «посвящения», и вообще, когда вернешься в свет, ты снова можешь есть мясо, но тогда, может быть, ты и сам не захочешь.

– Это очень вероятно, так как я понимаю, что животная пища заражает организм трупными элементами.

Окончив обед, молодые люди вернулись в лабораторию, Дахир принес большой фолиант с рисунками, странными знаками и непонятным текстом.

– В этой книге заключаются формулы всех категорий. Все эти знаки ты должен изучить и запомнить, а формулы заучить наизусть. Когда ты вполне овладеешь всеми этими первоначальными заклинаниями, мы приступим к первому опыту. Даже простые колдуны знают части этих формул, но ты находишься совсем в других условиях. Ты не должен, подобно невежественному колдуну, быть рабом злых сил, вызываемых тобой; тебе нужно с первого же шага сделаться их господином и повелителем. Так как у тебя не развито еще второе зрение, то я снабжу тебя магическими очками, которые позволят видеть все, что происходит вокруг тебя.

Супрамати с жаром принялся за работу. Он изучал таинственные знаки и странные формулы, составленные из цифр и слов, значение которых он не понимал.

Сначала ему было очень трудно привыкнуть к такому новому роду занятий, но Дахир помогал и объяснял ему. С наступлением ночи Супрамати научился почти безошибочно произносить несколько формул и с уверенностью рисовать несколько каббалистических знаков.

Он до того был поглощен своим занятием, что даже не заметил, как наступила темнота. Дахир зажег лампу и, посмотрев на часы, с улыбкой заметил:

– Кончай свою работу: на сегодня довольно. Скоро уже десять часов, и наша прекрасная хозяйка ждет нас. Тебе нет надобности торопиться; благодаря Богу, времени у тебя достаточно.

– Это правда, но я хотел бы как можно скорей пройти первые, самые тяжелые и наименее интересные Ступени посвящения, – ответил Супрамати, отирая пот.

Надев свои обычные одежды, они прошли в столовую, где их ждала Нара.

– Ну что, Супрамати? Как прошел первый день твоего посвящения? – с улыбкой спросила молодая женщина.

– Очень интересно, – ответил Супрамати, целуя Нару.

Сев рядом с женой, он с одушевлением начал рассказывать, что делал в течение дня.

– Все тайны невидимого мира, которые я видел, восхищают меня и в то же время приводят в ужас. Меня, ленивого невежду, пугает гигантский труд, предстоящий мне. Стоя у подножия высокой лестницы, на которую мне предстоит взойти, я спрашиваю себя, как другие могли подняться так высоко, не почувствовав головокружения? – шутливо-грустным тоном прибавил он.

– Ты воспользуешься двумя свойствами, которые помогали твоим предшественникам – «мужеством» и «настойчивостью» – и поднимешься беспрепятственно, – весело ответила Нара.

Затем она серьезно прибавила:

– Предчувствие говорит мне, что ты достигнешь высших ступеней знания и сделаешься великим магом. Ты всегда был мыслителем и хорошим работником. Чем дальше будешь ты подвигаться по новому пути, тем больше будешь интересоваться оккультным миром и могуществом, которое он дает тебе, отдав в твое распоряжение целую армию ловких, лукавых, но смелых воинов, невидимых для профанов, так как они скрываются в окружающей атмосфере. Ты не испытал еще наслаждения быть *выше толпы*, читать чужие мысли, облегчать тайные страдания и повелевать силами природы.

– Дай Бог, дорогая моя, чтобы твои предчувствия оправдались, и чтобы я стал достойным твоего обо мне хорошего мнения. Во всяком случае, я употреблю для этого всю свою волю, – сказал он, целуя руку жены.

Разговор продолжался на ту же тему. Когда Дахир упомянул о вызываниях, какие они предполагали сделать, Супраматти вспомнил о нескольких спиритических сеансах, на которых он присутствовал во время своего последнего пребывания в Лондоне.

Тогда он был очень болен, и приближавшаяся смерть побуждала его проникнуть во мрак могилы, к которой он быстро устремлялся.

Супраматти стал членом одного кружка и участвовал в целой серии сеансов. Он увидел очень интересные манифестации: появление вещей, световые эффекты и даже частичную материализацию. Некоторые из них произвели на него глубокое впечатление, другие вызвали в нем сомнения.

– Я знаю, сеансы такого рода в моде, и вообще спиритизм быстро распространяется, так как он отвечает потребности сердца людей, утомленных пустотой убеждений отрицателей и нетерпимостью науки, которая смело может равняться с нетерпимостью клерикальной, – заметила Нара. – К несчастью, спиритизм находится в хаотических, неблагоприятных условиях и остановился на азбуке оккультного мира, так как спиритам неизвестны законы, управляющие явлениями. Хорошие медиумы чрезвычайно редки, и духам-руководителям чаще всего мешают дисгармония и даже злая воля присутствующих, то есть глупой и невежественной толпы, которая хочет видеть только для того, чтобы после отрицать и насмехаться, воображая, что загробный мир с его ужасными тайнами существует только для их развлечения.

– Это правда! Спиритизм рождает больше насмешников и отрицателей, нежели прозелитов, – сказал Дахир. – А между тем это утешительное знание сделало уже много добра и спасло не одну душу из роковой бездны материализма. Что бы было, если бы вопрос был поставлен иначе!

Все на минуту умолкли, а затем Нара прибавила:

– Да, я желала бы, чтобы спиритизм, доказывающий существование загробной жизни в доступной для каждого форме, преуспевал для блага человечества! Кстати, Супраматти, если ты желаешь, мы можем сегодня вечером устроить спиритический сеанс. Я моментально сделаю тебя ясновидящим, и ты увидишь весь оккультный процесс спиритических манифестаций.

– Конечно, хочу. Ты предупреждаешь мое желание. Пойдем же скорей в лабораторию!

– Зачем нам идти туда! Нам отлично будет в моей маленькой гостиной. Итак, идите туда, господа, и приготовьте все! Я же распорядюсь относительно ужина, что будет не лишнее после сеанса.

– Конечно, вегетарианского? – спросил смеясь Супраматти.

– Именно. Пока тебе надо забыть о мясе, а через несколько лет ростбиф, жареные фазаны и другие деликатесы такого рода будут казаться тебе кусками трупа. Ты увидишь вещи, которые отнимут у тебя аппетит, а запах разложения, которого не чувствуют обыкновенные гастрономы, будет удушать тебя.

В маленькой гостиной они опустили шторы и удалили лишнюю мебель, а посреди комнаты поставили небольшой круглый столик. Затем они погасили лампы, оставив зажженной одну только свечу.

Едва успели они окончить эти приготовления, как вошла Нара. Она принесла с собой маленький серебряный треножник и поставила его на стол. Затем щипчиками она взяла из камина еще не погасшие уголья и положила их на треножник, а Дахир стал раздувать их; когда уголья раскалились, Нара вынула из кармана флакон и вылила на них содержавшуюся в нем жидкость. Тотчас же поднялся густой дым, распространивший в комнате аромат, показавшийся Супраматти знакомым.

Вдруг он вспомнил, что вдыхал такой же аромат в день бала у графа Рокка, но только этот был не так силен; тем не менее у него на минуту закружилась голова, и он молча сел за стол.

Тогда Дахир взял жезл с несколькими узлами, висевший у него на шее на золотой цепочке подобно дамскому лорнету, и затем, нагнувшись, обвел их кругом.

На полу тотчас же появилась широкая фосфорическая полоса, которая затем превратилась в серый пар. После этого Дахир сел на свое место и положил руки на руки присутствующих.

На минуту воцарилось молчание. Вдруг Супрамати показалось, что все вокруг него зазвучало и задвигалось; а затем все стало с необыкновенной быстротой вращаться вместе с ним, столом, Нарой и Дахиром. Вскоре появился голубоватый свет, и в этом полусвете он с удивлением заметил высокую и тонкую фигуру, одетую в серое одеяние цвета летучей мыши. Это необыкновенно гибкое, ловкое и подвижное существо держало в руках красный жезл, на конце которого вращался шар такого же цвета. Отовсюду брызгали фосфорические искры, которые соединялись потом огненными нитями. Круг, начертанный Дахиром, выбрасывал теперь пламя различной величины. Скоро присутствующие оказались окруженными фосфорической сеткой. Со все возрастающим интересом Супрамати следил за всем и с удивлением увидел, что из-за складок портьер, из стен, пола и даже камина стали появляться различные существа и группироваться около круга. У одних на лицах было лукавое и беззаботное выражение, у других – злое, животное и даже полное ненависти. Последние пытались пройти сквозь сетку, но их всякий раз отбрасывало назад точно электрическим током. Только тогда, когда у стола появилось несколько существ по быстроте движений и по костюму похожих на фигуру, державшую огненный шар, Нара выразила желание, чтобы из столовой был принесен графин с водой.

Тотчас же некоторые из этих духов удалились, и вскоре появился графин, окруженный белым густым паром, похожим на вату. Этот графин с трудом несли три сероватых существа и тихо поставили на стол.

Затем Дахир приказал сыграть на флейте, так как этот инструмент лежал на окне. Тотчас же один из индивидуумов схватил флейту и недурно сыграл хорошо знакомую всем небольшую арию.

В эту минуту появился новый дух, который без труда переступил огненный круг и прошел сквозь сетку, остановившись между Дахиром и Нарой.

Большое белое покрывало окутывало всю фигуру вновь прибывшего духа и скрывало черты его лица. В руках дух держал букет цветов. Аромат лилий и роз наполнил всю комнату.

Супрамати с удивлением смотрел на новое видение, которое медленно поднимало покрывало, и вдруг громко вскрикнул: он узнал свою мать. Прекрасная и помолодевшая, она смотрела на него каким-то странным и неподвижным взглядом.

При его крике видение зашаталось, побледнело и как бы расплылось, но почти тотчас же появилось снова.

– Матушка! Я снова вижу тебя, дорогая матушка! – пробормотал он, дрожа.

– Ральф! Дорогое дитя мое! – произнес любимый и хорошо знакомый голос.

– О, дорогая матушка! Как мы были слепы, не подозревая о возможности свидеться! Ты была близ меня, когда я оплакивал нашу разлуку, и не могла подать мне знака, утешить меня – и все это только из-за того, что мы не знали законов невидимого мира. Скажи, счастлива ли ты? Видела ли ты моего отца?

– Я его видела. Он счастлив и спокоен, так как хорошо и честно выполнил свой жизненный долг. Ты увидишь его позже.

– Скажи ему, что я его люблю и каждый день молюсь за него и за тебя. Посмотри, матушка, как я силен и здоров! Теперь тебе нечего бояться, как прежде, за мое здоровье, – с лукавой улыбкой прибавил он.

Выражение боязни и печали затуманило лицо духа. Положив руку на голову сына, видение ответило:

– Теперь я боюсь, не будет ли *слишком* продолжительна эта жизнь, за которую я некогда опасалась.

– Скажи мне, ты не одобряешь странную судьбу, на какую толкнул меня рок? – с грустью и беспокойством спросил Супрамати.

– Я не смею порицать, дорогой Ральф: для этого я слишком невежественна. Я только опасаюсь, не будет ли слишком тяжело испытание бессмертием и ожидающий тебя громадный труд, чтобы сделаться достойным таинственных сил, данных тебе в руки. Спроси тех, кто проник в высшие области знания и кто исчисляет свою жизнь тысячью лет, счастливы ли они тем, что вечно носят тленную оболочку, не имея возможности отдохнуть в смерти? Подверженная тысячам страданий, присущих земной жизни, так как привилегию бессмертия испытывает одно только тело, душа остается по-прежнему уязвимой и не пользуется преимуществом *не* чувствовать, *не* любить, *не* оплакивать страданий, которые она облегчить не может.

Дух на минуту умолк и затем продолжал, но уже более слабым голосом:

– Я чувствую, что улетучивается сила, данная мне. Итак, до свидания, сын мой! Я явлюсь, когда ты позовешь меня в тяжелую для тебя минуту, не для разрешения проблем управления вселенной, но для того, чтобы ты услышал нежное слово матери.

Он чувствовал, как рука ее становилась все менее плотной, а затем расплылась и сделалась неосязаемой. Все видение таяло, делалось прозрачным и наконец совершенно исчезло.

Тяжело дыша, опустил Супрамати на стул и закрыл глаза. Тогда Дахир зажег свечу и сказал:

– Ты утомился, мой друг, не телом, конечно, а душой. Итак, прекратим этот сеанс! Несмотря на твоё бессмертие, ты отлично сделаешь, если ляжешь спать.

Супрамати выпрямился, взял оставленные матерью на столе цветы, на лепестках которых блестели еще капельки росы, и со смешанным чувством горя и счастья прижал их к губам.

Несмотря на добрый совет Дахира, все остались на своих местах и продолжали беседовать. Супрамати горевал, что скептики с предвзятой целью упорно мешают развитию спиритизма, который является, однако, источником утешения для страждущих душ и в то же время, способствует их нравственному возрождению, возвращая им веру в загробную жизнь.

– О, эти скептики! – со смехом вскричала Нара. – Иногда у меня появляется страстное желание убедить их, надев им магические очки. Я думаю, что все эти великие болтуны лишились бы тогда рассудка, убедясь, что вся атмосфера вокруг населена теми невидимыми существами, существование которых они отрицают, и что в пространстве, которое, по своему тщеславному заблуждению, они считают пустым, живет целый мир неосязаемых существ.

– Вот уже несколько раз я слышу, что ты и Дахир упоминаете о каких-то магических очках. Покажите же мне их хоть раз, – попросил Супрамати.

– С удовольствием, – ответила Нара.

Она открыла резное бюро, отделанное слоновой костью, вынула из ящика большие очки в золотой оправе и подала их мужу.

С совершенно понятным интересом рассматривал Супрамати очки, сделанные из какого-то незнакомого ему вещества, более прозрачного, чем стекло, и переливавшегося различными цветами.

Недолго думая, он надел их, но к крайнему своему удивлению, ничего не увидел, кроме разноцветных волн, которые звучали, двигались и сливались. В то же время ему показалось, что его череп сдавлен раскаленным обручем.

– Сними очки и вымой лицо! Сегодня ты ничего не увидишь, так как органы твои слишком насыщены тем веществом, которое я сожгла перед сеансом, – сказала Нара. – Но эти очки делают прозрачной для глаз обыкновенного человека завесу, скрывающую невидимый мир.

Она спрятала очки, а Супрамати поспешил в свою комнату, чтобы поскорей вымыть лицо, так как чувствовал головную боль, которая, впрочем, тотчас прошла от холодной воды.

Глава третья

Прошло несколько недель, не принеся с собой ничего особенного. Супрамати с жаром изучал магические знаки и странные, почти всегда непонятные формулы, сопровождающие их. Когда же он просил Дахира объяснить их ему, тот отвечал, что надо прежде хорошенько заучить их. – Но ведь гораздо трудней заучить галиматью, которую не понимаешь! – с нетерпением возражал Супрамати.

– А между тем, это необходимо; так как, если бы ты понимал смысл этих магических формул, то они тотчас же вызвали бы присущие им явления – и ты оказался бы в положении ученика колдуна у Гете. Только незнание произносимых тобой слов мешает твоей мысли и воле привести их в движение.

Супрамати доля-сен был удовлетворен таким объяснением. Мало-помалу он начал осознавать справедливость слов Дахира, подмечая и сам странные явления.

Так, когда он произносил магические формулы, им овладевало какое-то неопределенное, но невыразимо тягостное беспокойство. Ему слышался странный шум, около него появлялись тени, в темных углах вспыхивали искры и горячее веяние пробегало по его жилам.

Когда подобного рода проявления делались уже слишком явственными, Дахир прерывал изучение формул и на некоторое время переходил к другим занятиям. Тогда он говорил своему другу о скрытых свойствах драгоценных камней, указывая ему на различные цвета, которые они излучают, иллюстрируя примерами действия, производимые этими световыми эманациями на растения, животных и людей.

Они изучали также растительные, животные и минеральные яды, свойства растений и действие животного магнетизма; но теперь глазам молодого доктора открывалась совершенно новая ботаника и новая химия.

Они продолжали также упражнения дисциплинирования мысли. Однажды Дахир принес в лабораторию большой круг, закрытый черным сукном. Поставив его на стол, он снял покрывало.

Супрамати с любопытством стал рассматривать черновато-синий металлический диск, отливавший всеми цветами радуги, как и магические зеркала, виденные раньше. Этот диск был вставлен в рамку, в которую были вделаны различные металлы, драгоценные камни и медалионы с жидкостью. Наверху же рама была украшена медальоном в форме амфоры.

– Что это? Это тоже магическое зеркало? Для чего оно служит? – спросил Супрамати.

– Да, это магическое зеркало, только оно сделано из других материалов, нежели те, которые ты видел. Оно поможет тебе достигнуть очень трудного умения управлять и дисциплинировать живую мысль и ее изображение. Это зеркало, видишь ли, составлено из самых восприимчивых веществ. Оно чувствительнее барометра, который воспринимает только колебания атмосферы. На этом драгоценном инструменте, необходимом каждому истинному магу, отражаются самые легкие вибрации мысли; это барометр души. Профаны глупо воображают, что магическое зеркало имеет только одно назначение: открывать магу картины прошлого и будущего и выдавать тайны того или другого субъекта, совершенно безразличного ученому. А между тем в действительности этот инструмент предназначен для серьезных занятий и служит для упражнения мысли. Настало время и для тебя приступить к таким занятиям. Итак, смотри на диск, думая о какой-нибудь вещи и стараясь как можно точнее представить ее себе. Выбери какую-нибудь простую, но точно определенную вещь, чтобы с самого начала привыкнуть ясно формулировать свою мысль, так как мимолетные и хаотические мысли не воспроизводят ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.